

КЛАЙВ С. ЛЬЮИС

Хроники Нарнии

#эксмодетство

Хроники Нарнии

Клайв Льюис

Хроники Нарнии

«ЭКСМО»

1950-1956

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Льюис К. С.

Хроники Нарнии / К. С. Льюис — «Эксмо»,
1950-1956 — (Хроники Нарнии)

Больше 70 лет назад британский писатель и учёный Клайв С. Льюис придумал Нарнию – волшебный мир, в котором всегда торжествует добро. Дети из разных поколений одной семьи снова и снова открывают дверь в этот мир, чтобы сделать свой выбор между добром и злом, жизнью и смертью, любовью и предательством. Нарния покоряет читателей всех возрастов: юных увлекают невероятные приключения и колдовские тайны, взрослые задумываются над глубоким философским смыслом книг. Но все они рано или поздно понимают: «Некоторые путешествия заводят нас далеко от дома. Некоторые приключения приводят нас к нашей судьбе». В книгу вошли все семь повестей цикла с иллюстрациями Паулины Бэйнс.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Льюис К. С., 1950-1956
© Эксмо, 1950-1956

Содержание

Племянник чародея	7
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	20
Глава четвёртая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	36
Глава седьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Клайв Стейплз Льюис

Хроники Нарнии

The Magician's Nephew / Племянник чародея

Перевод с английского *Н. Трауберг*

© C.S. Lewis Pte Ltd 1955. Inside illustrations by Pauline Baynes copyright © C.S. Lewis Pte Ltd 1955

The Lion, The Witch and The Wardrobe / Лев, колдунья и платяной шкаф

Перевод с английского *Г. Островской*

© C.S. Lewis Pte Ltd 1950. Inside illustrations by Pauline Baynes copyright © C.S. Lewis Pte Ltd 1950

The Horse and His Boy / Конь и его мальчик

Перевод с английского *Н. Трауберг*

© C.S. Lewis Pte Ltd 1954. Inside illustrations by Pauline Baynes copyright © C.S. Lewis Pte Ltd 1954

Prince Caspian / Принц Каспиан

Перевод с английского *Е. Доброхотовой-Майковой*

© C.S. Lewis Pte Ltd 1951. Inside illustrations by Pauline Baynes copyright © C.S. Lewis Pte Ltd 1951

The Voyage of The «Dawn Treader» / «Покоритель зари», или Плавание на край света

Перевод с английского *В. Кулагиной-Ярцевой*

© C.S. Lewis Pte Ltd 1953. Inside illustrations by Pauline Baynes copyright © C.S. Lewis Pte Ltd 1953

The Silver Chair / Серебряное кресло

Перевод с английского *Н. Виноградовой*

© C.S. Lewis Pte Ltd 1953. Inside illustrations by Pauline Baynes copyright © C.S. Lewis Pte Ltd 1953

The Last Battle / Последняя битва

Перевод с английского *Е. Доброхотовой-Майковой*

© C.S. Lewis Pte Ltd 1956. Inside illustrations by Pauline Baynes copyright © C.S. Lewis Pte Ltd 1956

Адрес сайта: **www.narnia.com**

C.S. Lewis

The Chronicles of Narnia

The Author and Illustrator assert the moral right to be identified as the Author and Illustrator of this work.

The Chronicles of Narnia®, Narnia® and all book titles, characters and locales original to The Chronicles of Narnia, are trademarks of CS Lewis Pte Ltd. Use without permission is strictly prohibited. Published by Good Word Communications under license from the CS Lewis Company Ltd.

Адрес сайта: www.narnia.com

©Трауберг Н., Островская Г., Доброхотова-Майкова Е., Кулагина-Ярцева В., Виноградова Н., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Для дошкольного возраста, текст для чтения взрослыми детям

Художник Паулина Бэйнс

Ответственный редактор *О. Куликова*

Художественный редактор *И. Сауков*

Художественное оформление *В. Фридгельм*

Технический редактор *О. Кистерская*

Компьютерная графика *А. Алексеев*

Корректор *Н. Сгибнев*

Племянник чародея

Глава первая

Как дети ошиблись дверью

Повесть эта о том, что случилось, когда твой дедушка был маленьким. Она очень важна, потому что без неё не поймёшь, как установилась связь между нашим миром и Нарнией.

В те дни Шерлок Холмс ещё жил на Бейкер-стрит, а патер Браун не расследовал преступлений. В те дни, если ты был мальчиком, тебе приходилось носить каждый день твёрдый белый воротничок, а школы большей частью были ещё хуже, чем теперь. Но еда была лучше, а что до сластей, я и говорить не стану, как они были дешёвы и вкусны, – зачем тебя зря мучить. И в те самые дни жила в Лондоне девочка Полли Пламмер.

Жила она в одном из домов, стоявших тесным рядом. Как-то утром она вышла в крошечный садик позади дома, и мальчик из соседнего садика подошёл к самой изгороди. Полли удивилась: до сих пор в том доме детей не было, там жили мисс и мистер Кеттерли, старая дева и старый холостяк. И вот Полли удивлённо посмотрела на мальчика. Лицо у него было грязное, словно он копался в земле, потом плакал, потом утёрся рукой. Примерно это, надо сказать, он и делал.

– Здравствуй, мальчик, – сказала Полли.

– Здравствуй, – сказал мальчик. – Как тебя зовут?

– Полли. А тебя?

– Дигори.

– Ой, как смешно! – воскликнула Полли.

– Ничего смешного не вижу, – обиделся мальчик.

– А я вижу.

– А я нет!

– Я хоть умываюсь, – заметила Полли. – А тебе вот надо умыться, особенно... – И она замолчала, потому что хотела сказать: «...после того как ты плакал», но решила, что это невежливо.

– Ну и что, ну и ревел! – вспыхнул Дигори, которому было так худо, что чужое мнение уже не трогало. – И сама бы ревела, если бы жила всю жизнь в саду, и у тебя был пони, и ты бы купалась в речке, а потом тебя притащили в эту дыру...

– Лондон не дыра, – возмутилась Полли, но Дигори так страдал, что не заметил её слов:

– ...и если бы твой папа уехал в Индию, и ты бы приехала к тёте и дяде, а он сумасшедший, да, самый что ни на есть, и всё потому, что за мамой надо ухаживать, она очень больна... и... и...

Лицо его перекошилось, как бывает всегда, если пытаешься не заплакать.

– Прости, я не знала, – смиренно сказала Полли и помолчала немного, но ей хотелось отвлечь Дигори, и она спросила: – Неужели мистер Кеттерли сумасшедший?

– Да, – кивнул Дигори, – или ещё хуже. Он что-то делает в мансарде, тётя Летти меня туда не пускает. Странно, а? Но это ещё что! Когда он обращается ко мне за обедом – к ней он и не пробует, – она говорит: «Эндрю, не беспокой ребёнка», или: «Дигори это ни к чему», или: «Дигори, а не поиграть ли тебе в садике?».

– Что же он хотел сказать?

– Не знаю. Он ни разу не договорил. Но и это не всё. Один раз, то есть вчера вечером, я проходил мимо лестницы – ох и противно! – и слышал, что в мансарде кто-то кричит.

– Может быть, он там держит сумасшедшую жену?

– Да, я тоже подумал.

– А может, печатает деньги?

– А может, он пират, как в «Острове сокровищ», и прячется от прежних друзей...

– Ой, как интересно! – воскликнула Полли. – Вот не знала, что у вас такой замечательный дом.

– Тебе интересно, – буркнул Дигори, – а мне в этом доме спать. Лежишь, а он крадётся к твоей комнате... И глаза у него жуткие.

Так познакомились Полли и Дигори, и поскольку были каникулы, а к морю в тот год никто из них не поехал, они стали видеться почти каждый день.

Приключения их начались потому, что лето было на редкость дождливое. Приходилось сидеть дома, а значит – исследовать дом. Просто удивительно, сколько всего можно найти в доме или в двух соседних домах, если у тебя есть свечка. Полли знала давно, что с её чердака идёт проход вроде туннеля: с одной стороны – кирпичная стенка, с другой – покатая крыша. Свет проникал туда через просветы черепицы, пола не было, ступать приходилось по балкам. Под ними белела штукатурка, а если станешь на неё, провалишься прямо в комнату. До конца туннеля Полли не ходила, а в начале, сразу за дверцей, устроила что-то вроде пещеры контрабандиста. Она натаскала туда картонных коробок и сидений от сломанных стульев и положила

между балками, как бы настлала пол. Там она хранила шкатулку с сокровищами и повесть, которую писала, несколько яблок; там любила выпить имбирного лимонада – какая же пещера без пустых бутылок?

Дигори пещера понравилась (повесть Полли не показала), но хотелось залезть подальше, и он спросил:

- Интересно, куда можно пойти? Дальше твоего дома или нет?
- Дальше, – сказала Полли, – а куда, не знаю.
- Значит, мы пройдем все дома насквозь.
- Да, – ответила Полли и вдруг ойкнула.
- Что такое?
- Мы в них залезем.
- И нас схватят как воров. Нет уж, благодарю.
- Ох, какой умный! Мы залезем в пустой дом, сразу за твоим.
- А что там такое?
- Да он пустой – папа говорит, там давно никого нет.
- Посмотреть надо, – сказал Дигори.

На самом деле боялся он гораздо больше, чем можно было предположить, судя по его тону. Конечно, он подумал, как и вы бы подумали, о том, почему в этом доме никто не живёт; думала об этом и Полли. Никто не сказал слово «привидения», но оба знали, что теперь отступить стыдно.

- Идем? – спросил Дигори.
- Идем, – сказала Полли.
- Нет, если не хочешь, не ходи...
- Да уж нет, я пойду.
- А как мы узнаем, что мы в том доме?

Они решили пойти на чердак и, шагая с балки на балку, отмерять, сколько балок приходится на комнату. Потом они отведут балки четыре на промежуток между чердаком и комнатой служанки, а на саму эту комнату – столько, сколько на чердак. Прodelав такое расстояние дважды, можно сказать, что миновали оба дома и дальше идёт уже тот, пустой.

– Не думаю, что он совсем пустой, – сказал Дигори.

– А какой же?

– Кто-нибудь там скрывается, а выходит ночью, прикрыв фонарь. Наверное, шайка... жуткие злодеи... они от нас откупятся... Нет, не может дом стоять пустой столько лет. Это какая-то тайна.

– Папа думает, там протекают трубы, – сказала Полли.

– Взрослые всегда думают самое неинтересное, – сказал Дигори.

Теперь, при дневном свете, как-то меньше верилось в привидения – не то что в пещере, при свечах.

Измерив шагами чердак, они записали, что вышло, и у каждого вышло иначе. Как-то они свели результаты воедино, однако я не уверен, что и тут получилось правильно. Слишком хотелось им начать исследование.

– Ступай потише, – сказала Полли, когда они полезли в проход.

Ради такого случая каждый взял по свече (у Полли в тайнике их было много). Проход был пыльным, и тёмным, и холодным. Полли и Дигори ступали с балки на балку молча, только иногда шептали «теперь твой чердак» или «наш дом мы почти прошли». Они ни разу не споткнулись, свечи у них не погасли, и дверцы в кирпичной стене они достигли, только на ней, конечно, не было ручки, потому что никто не входил в неё снаружи, однако внутри ручка была, а снаружи торчал шпенёк (такой бывает внутри шкафа).

– Повернуть его? – спросил Дигори.

– Если ты не боишься, – сказала Полли. – А то я поверну.

Обоим стало жутковато, но отступить они не смогли бы. Дигори не без труда повернул шпенёк. Дверь распахнулась, и солнечный свет ослепил их. Потом, к большому своему удивлению, они увидели, что перед ними не пустой чердак, а простая, хотя и пустоватая, комната. Полли задула свечу и ступила туда.

Конечно, потолок здесь был скошен, но мебель стояла самая обычная. Стены не были видны из-за книжных полок, сплошь уставленных книгами, в камине горел огонь (вы помните, лето было холодное), а перед камином, спинкой к ним, стояло высокое кресло. Между креслом и Полли, посреди комнаты, стоял очень большой стол, а на нём были книги, блокноты, чернильницы, перья, сургуч и микроскоп. Но прежде всего в глаза бросался ярко-алый деревянный поднос, на котором лежали кольца. Разложены они были по два – жёлтое и зелёное, потом промежутки, потом ещё одно жёлтое и ещё одно зелёное. Размеры они были обычного, но свер-

кали ослепительно. Вы и представить себе не можете, как дивно они сверкали. Будь Полли помладше, ей бы захотелось сунуть одно из них в рот.

В комнате было так тихо, что Полли сразу услышала тиканье часов. И всё-таки тихо было не совсем: где-то что-то гудело. Если бы тогда уже изобрели пылесос, Полли подумала бы, что это он и работает за несколько комнат и этажей отсюда. Но звук был приятней, чем у пылесоса, и очень, очень тихий.

– Иди, тут никого нет.

Грязный Дигори, моргая, вышел из прохода (грязной, конечно, была и Полли) и пробубнил:

– Стоило лезть! Совсем он не пустой. Давай уйдём, пока они не вернулись.

– Как ты думаешь, кто здесь живёт? – спросила Полли, указывая на зелёные и жёлтые кольца.

– А какое нам дело! – сказал Дигори. – Давай... – Но фразу он не закончил.

Кресло с высокой спинкой, стоявшее перед камином, задвигалось, а из-за него, как в пантомиме, вылез дядя Эндрю. Они были вовсе не в пустом доме, а в доме Дигори, да ещё и в заповедной мансарде! Дети хором охнули. Теперь обоим казалось, что иначе и быть не могло, потому что слишком мало прошли.

Дядя Эндрю был очень высокий и тощий, длиннолицый, остроносый, с необычайно блестящими глазами и седыми взъерошенными волосами. Сейчас он казался ещё страшнее, чем обычно. Дигори просто говорить не мог. Полли испугалась меньше, но и ей стало не по себе, когда дядя Эндрю молча прошёл к дверям и запер их на ключ. После этого он повернулся к детям, взглянул на них сверкающими глазами и, обнажив в улыбке острые зубы, сказал:

– Ну вот! Теперь моя дура сестрица до вас не доберётся.

Полли и не думала, что от взрослых можно такое ожидать, по-этому ужасно испугалась, и они с Дигори попятились к дверце, в которую вошли, но дядя обогнал их и запер её, а вдобавок встал перед нею, потом потёр руки, так что пальцы затрещали (пальцы у него были длинные и белые), и усмехнулся:

– Счастлив вас видеть. Двое деток – именно то, что мне нужно.

– Мистер Кеттерли, – сказала Полли, – мне пора обедать, меня ждут дома. Отпустите нас, пожалуйста!..

– Со временем, со временем, – пробормотал дядя Эндрю. – Нельзя упускать такой случай. Мне не хватало именно двух деток. Понимаете, я ставлю небывалый, великий опыт. С морской свинкой как будто бы получилось. Но свинка ничего не расскажет. Да ей и не объяснишь, как вернуться.

– Дядя, – сказал Дигори, – обедать и правда пора, нас станут искать. Вы должны отпустить...

– Должен? – спросил дядя Эндрю.

Дигори и Полли переглянулись. Говорить они не смели, но взгляды их значили: «Ужас какой!» и «Надо его умаслить».

– Если вы нас выпустите, – сказала Полли, – мы придём после обеда.

– Кто вас знает? – сказал дядя Эндрю и хитро усмехнулся. Но тут же передумал. – Хорошо, надо так надо. На что таким детям старый скучный человек!.. – Он вздохнул. – Если бы вы знали, как мне бывает одиноко. Да что там... Идите обедайте. Только сперва я вам кое-что подарю. Не каждый день у меня бывают маленькие девочки, особенно – такие милые...

Полли подумала, что он не такой уж и сумасшедший.

– Хочешь колечко, душечка? – спросил её дядя Эндрю.

– Жёлтое или зелёное? Ой, какая прелесть!

– Нет, не зелёное, – сказал дядя. – Мне очень жаль, но зелёное я дать не могу. А жёлтое – с удовольствием. Бери и носи на здоровье. Ну, бери!

Полли больше не боялась: дядя был совсем не сумасшедший, а кольца и впрямь прелестны, – и, шагнув к столу, сказала:

– Смотрите-ка! Гудит и гудит, как будто сами кольца.

– Какая странная мысль! – заметил дядя и засмеялся.

Смех был вполне естественный, однако Дигори не понравилось слишком бодрое, чуть ли не алчное выражение дядиных глаз, и он крикнул:

– Полли, не бери! Не трогай!

Но было поздно. Он ещё говорил, когда Полли коснулась одного кольца и сразу же, без звука, исчезла. Дигори с дядей остались одни.

Глава вторая

Дигори и его дядя

Случилось это так неожиданно и так походило на страшный сон, что Дигори вскрикнул. Дядя Эндрю зажал ему рот рукой, прошепел:

– Не смей! – и прибавил помягче: – Не шуми, твоя мама услышит. Зачем её пугать?

Дигори говорил потом, что его просто затошнило от такой подлой уловки, но, конечно, кричать он больше не стал.

– То-то, – сказал дядя. – Ничего не поделаешь, каждый бы удивился. Я и сам удивился вчера, когда исчезла свинка.

– Это вы и кричали? – спросил Дигори.

– Ах, ты слышал? Ты что, следил за мной?

– Нет, – сердито сказал Дигори. – Объясните, что с Полли!

– Поздравь меня, мой мальчик, – сказал дядя Эндрю, потирая руки. – Опыт удался. Девочка исчезла... сгинула... в этом мире её нет.

– Что вы с ней сделали?!

– Послал... э... в другое место.

– Не понимаю, – сказал Дигори.

Дядя Эндрю опустил в кресло.

– Что ж, я тебе объясню. Ты слышал когда-нибудь о мисс Лё Фэй?

– Она наша двоюродная бабушка? – припомнил Дигори.

– Не совсем, – сказал дядя Эндрю, – она моя крёстная. Вон её портрет, смотри.

Дигори посмотрел и увидел на выцветшей фотографии старую даму в чепце. Теперь он вспомнил, что такой же портрет видел ещё дома, в комодке, и спросил маму, кто это, и мама почему-то замялась. Лицо было неприятное, но кто его знает, на этих старинных фотографиях...

– Кажется... кажется, она была... не совсем хорошая?

– Ну, – ответил дядя Эндрю, – это зависит от того, что называть хорошим. Люди узко мыслят, мой друг. Да, странности у неё были. Бывали и... чудачества. Иначе её не поместили бы...

– В сумасшедший дом?

– Нет, нет, нет! – Дядя был шокирован. – Ничего подобного! В тюрьму.

– Ой! А за что?

– Бедная женщина! – со вздохом проговорил дядя. – Не хватило благоразумия... Но не будем в это вдаваться. Ко мне она всегда была добра.

– Да при чём тут это! – воскликнул Дигори. – Где Полли?

– Всё в своё время, мой друг. Мисс Лё Фэй выпустили, и после этого она почти никого не хотела видеть. Я был из тех немногих, кого она ещё принимала. Видишь ли, её стали раздражать обычные, скучные люди. Собственно, они раздражают и меня. Кроме того, у нас с ней были общие интересы. За несколько дней до смерти она велела мне открыть тайничок в её шкафу и принести маленькую шкатулку. Как только я эту шкатулку тронул, сразу почувствовал – да, просто пальцами, – что в моих руках огромная тайна, ну а когда принёс, она отдала мне её и приказала, не открывая, сжечь сразу после её смерти с определёнными церемониями. Конечно, я этого не сделал.

– И очень плохо, – сказал Дигори.

– Плохо? – удивился дядя. – А, понимаю! По-твоему, надо выполнять обещания. Резонно, резонно, вот ты и выполняй. Но сам посуди: такие правила хороши для слуг, детей, женщин, вообще для людей, но не для великих учёных, мыслителей и мудрецов. Нет, Дигори.

Те, кто причастен к тайной мудрости, свободны и от мещанских правил, и от мещанских радостей. Судьба наша, мой мальчик, возвышенна и необычна. Удел наш высок, мы одиноки...

Он вздохнул с такой благородной, такой таинственной печалью, что Дигори целую секунду сочувствовал ему, но тут вспомнил, какими были дядины глаза, когда он предлагал Полли кольцо, и подумал: «Ага, значит, он может делать всё, что ему угодно!...»

– Конечно, шкатулку я открыл не сразу, – продолжил дядя. – Я опасался, нет ли в ней чего-нибудь... нежелательного. Моя крёстная была чрезвычайно своеобразной дамой. Собственно, она последняя из смертных, в ком текла кровь фей. Сама она ещё застала двух таких женщин – герцогиню и подёнщицу. Ты, Дигори, беседуешь с последним человеком, у которого была фея-крёстная. Будет что вспомнить в старости, мой мальчик!

«Ведьма она, а не фея!» – подумал Дигори и снова спросил:

– А где же Полли?

– Какой ты нетерпеливый! – рассердился дядя. – Разве в этом дело? Сперва, конечно, я осмотрел шкатулку. Она была очень старинная. Я сразу понял, что это не Греция, не Египет, не Вавилон и не страна хеттов, даже не Китай. Она была древнее всех этих стран. Наконец, в один поистине великий день, я догадался, что сделана она в Атлантиде, то есть на много веков раньше, чем те каменные штуковины, которые выкапывают в Европе. Да, это вам не грубый топор! Ещё на заре времён в Атлантиде были дворцы, и храмы, и учёные.

Он подождал немного, но Дигори не восхищался, ибо дядя с каждой минутой нравился ему всё меньше, и заговорил снова:

– Тем временем я изучал тайные науки (вряд ли прилично рассказывать о них ребёнку). Пришлось познакомиться с... как бы это сказать... чертовски странными людьми и пройти через довольно гнусные испытания. От всего этого я и поседел раньше времени. Стать чародеем – это тебе не шутка! Я вконец испортил здоровье – правда, теперь мне лучше, – зато *узнал*.

Подслушать их было некому, но дядя подвинулся поближе и понизил голос:

– То, что было в шкатулке, не нашего мира, и попало оно к нам, когда наш мир только только начинался.

– Что же именно там было? – спросил Дигори, поневоле захваченный рассказом.

– Пыль, – ответил дядя Эндрю, – сухая пыль. Смотреть не на что. Но я-то посмотрел – не тронул, нет, но взглянул! Как-никак, она из другого мира, не с другой планеты, вообще из другого, из другой природы, куда не попадешь через пространство... только колдовством, да!

И дядя потёр руки так, что пальцы у него затрещали, словно фейерверк.

– Понятно, я знал, что пыль эта может перенести в другие миры, если слепишь из неё то, что надо. Но что же именно и как? Много опытов я проделал впустую. Морские свинки просто погибали или лопались...

– Какой ужас! – перебил его Дигори, у которого когда-то была морская свинка.

– При чём тут ужас? – удивился дядя Эндрю. – Свинки для того и созданы. Я их покупал на свои деньги. Так о чём же я? Да, наконец удалось слепить кольца, жёлтые кольца. Тут и началось самое трудное. Я был уверен, что они перенесут моих подопечных куда надо. Но как же я узнаю, что там? Как их вернуть сюда?

– Можно бы и о них подумать, – сказал Дигори. – Хорошенькое положение, если они там застряли!

– Ты ненаучно на всё смотришь, – нетерпеливо возразил дядя Эндрю. – Неужели не можешь понять, что ставится опыт века? Я для того туда и посылаю, чтобы узнать, что там такое.

– Почему же тогда самому не отправиться?

Дигори в жизни не видел такого искреннего удивления.

– Кому, мне?! – воскликнул дядя. – Ты с ума сошёл! В мои годы, с моим здоровьем!.. Да это же страшно опасно! Что за глупость! Ты понимаешь, что говоришь? Да в этих мирах может случиться что угодно!

– А Полли теперь там... – проговорил Дигори, багровея от гнева. – Хоть вы мне и дядя, я прямо скажу: это... это подлость. Только трус пошлёт девочку вместо себя.

– Тихо! – крикнул дядя Эндрю, хлопнув рукой по столу. – Я не позволю так говорить со мной грязному мальчишке! Пойми, я великий учёный, чародей, я посвящён в тайные знания, я ставлю опыт. Конечно, мне нужны подопытные... э... существа. Что же, прикажешь свинку спрашивать? Наука требует жертв. Идти самому? Смешно! Не идёт же генерал в битву. Предположим, я погибну. Что будет тогда с делом моей жизни?

– Ох, хватит! – невежливо крикнул Дигори. – Как вернуть Полли?

– Я как раз собирался это объяснить, когда ты так грубо меня перебил, – ответил дядя Эндрю. – Для этого нужно зелёное кольцо.

– У Полли нет зелёного кольца, – возразил племянник.

– Вот именно, – кивнул дядя и жутко улыбнулся.

– Значит, она не вернётся! – крикнул Дигори. – Вы её убили!

– Почему же, вернуться она может, если кто-нибудь отнесёт ей это зелёное кольцо.

Тогда Дигори понял, в какую попал ловушку, и молча, очень бледный, уставился на дядю.

– Надеюсь, – достойно и громко промолвил тот, словно лучший из дядюшек давал добрый совет племяннику, – надеюсь, мой мальчик, ты не трус. Я был бы очень огорчён, если бы у кого-нибудь из нашей семьи было так мало рыцарства и чести, что он оставил бы... э-э... даму в беде.

– Ох, не могу! – снова крикнул Дигори. – Была бы у вас самая честь, вы бы и отнесли кольцо. Ладно, я понял. Только один-то из нашей семьи уж точно подлец. Это же всё подстроено!

– Конечно, – согласился дядя Эндрю, всё так же мерзко улыбаясь.

– Что ж, я пойду, только сперва скажу. Раньше я в сказки не верил, теперь верю. Так вот, в сказках злые чародеи добром не кончают.

Наконец-то дядю проняло – он так испугался, что, при всей его подлости, вы бы его, наверное, пожалели, – но, вымученно засмеявшись, он всё же сказал:

– Ох, дети, дети! Конечно, чего и ждать? Женское воспитание... Сказки, говоришь? Ничего, обо мне не беспокойся. Побеспокойся лучше о своей подружке. Она там давненько. Если эти миры опасны... да... Жалко было бы опоздать!

– Это вам-то? – гневно вскричал Дигори. – Ну ладно, больше не могу. Что мне делать?

– Прежде всего научись владеть собой, – назидательно сказал дядя. – Иначе станешь таким, как тётя Летти. А теперь слушай.

Он встал, надел перчатки и, подойдя к подносу, на котором лежали кольца, начал:

– Кольца действуют только в том случае, если коснутся кожи. Видишь, я беру их рукой в перчатке, и ничего не происходит. В кармане они безопасны, но коснись их случайно голой рукой – и исчезнешь. Там, в другом мире, случится то же самое, если тронешь зелёное кольцо. Оттуда ты исчезнешь, здесь появишься. Заметь, это всего лишь гипотеза, её предстоит проверить. Итак, я кладу тебе в карман два зелёных кольца – для неё и для тебя. В правый карман, не спутай. Зелёное – «зэ», правый – «пэ». Следовательно, «зэпэ», как в слове «запонка» или «запас». Жёлтое бери сам. На твоём месте я бы надел его, а то ещё потеряешь.

Дигори потянулся к кольцу, но вдруг спросил:

– А как же мама? Она спросит, где я.

– Чем скорее ты исчезнешь, – бодро ответил дядя, – тем скорее вернёшься.

– А если не вернусь? – спросил Дигори.

Дядя Эндрю пожал плечами, подошёл к двери, отпер её, распахнул и сказал:

– Что же, прекрасно. Дело твоё. Иди обедай. Твоя подружка, не моя. Ну съедят её звери, ну утонет, ну умрёт с голоду или просто останется там, если хочешь. Только уж, будь любезен, загляни до чая к миссис Пламмер и объясни, что дочку она не увидит, потому что ты испугался.

– Ах, был бы я взрослым, – вздохнул Дигори, – вы бы у меня поплясали!

Потом застегнулся получше, глубоко вздохнул, взял кольцо и подумал – как думал в подобных случаях позже, – что другого выхода нет.

Глава третья

Лес между мирами

Дядя Эндрю и его кабинет немедленно исчезли. На минуту все смешалось, затем Дигори ощутил, что внизу, под ним, тьма, а сверху льётся нежный зелёный свет. Сам он ни на чём не стоял, и не сидел, и не лежал; ничто не касалось его, и он подумал: «Наверное, я в воде... Нет, я под водой». Он испугался и тут же головой вперёд вынырнул на мягкую траву, окаймлявшую маленький пруд.

Поднявшись на ноги, он не задыхался и не хватал воздух ртом, что странно, если ты только что был под водой. Одежда его была суха. Пруд – небольшой, скорее лужа, не больше десяти футов в диаметре – находился в лесной чаще. Деревья стояли почти рядом, и листьев на них было столько, что неба Дигори не видел. Сюда, вниз, падал только зелёный свет, но наверху, должно быть, сверкало солнце, ибо и пройдя сквозь листву, свет оставался тёплым и радостным. Тишина тут стояла невообразимая – ни птиц, ни насекомых, ни зверьков, ни ветра, – и казалось, что ты слышишь, как растут деревья. Прудов было много – Дигори видел штук десять, не меньше, – и деревья словно пили корнями воду. Несмотря на редкостную тишину, было ясно, что лес преисполнен жизни. Рассказывая о нём позднее, Дигори говорил: «Он был свежий, он просто дышал, ну... как пирог со сливами».

Удивительно, что, едва оглядевшись, Дигори забыл, почему он здесь. Во всяком случае, он не думал ни о Полли, ни о дяде, ни даже о маме – и не боялся, не беспокоился, не испытывал любопытства. Если бы его спросили: «Откуда ты взялся?» – он сказал бы, наверное: «Я был здесь всегда». Так он и чувствовал – словно был здесь всегда и не скучал, хотя ничего не случалось. Позже, рассказывая об этом, он говорил: «Там нет никаких событий – деревья растут, и больше ничего».

Дигори долго стоял и смотрел, пока не увидел, что неподалёку на траве лежит какая-то девочка. Глаза у неё были закрыты, но не совсем, словно бы она просыпалась. Он постоял ещё, глядя на неё; наконец она открыла глаза и, посмотрев на него, проговорила всё ещё сонным голосом:

– Кажется, я тебя где-то видела.

– И мне так кажется, – сказал Дигори. – Давно ты здесь?

– Всегда, – ответила девочка. – Ну... не знаю... очень давно.

– И я тоже.

– Нет-нет, – возразила девочка. – Ты только что вылез из прудика.

– Да, правда, – удивлённо проговорил Дигори. – Я и забыл.

Они довольно долго молчали, потом девочка сказала:

– Знаешь, наверное, мы правда виделись. Что-то я такое помню... что-то вижу... какое-то место. И мальчик с девочкой, совсем как мы... они где-то жили... что-то делали... Наверное, это сон.

– Я тоже видел сон, про мальчика и девочку, которые жили в соседних домах... и полезли куда-то. У девочки было грязное лицо...

– Нет, ты напугал: это у мальчика...

– Мальчика я не видел, – сказал Дигори и вдруг вскрикнул: – Ой, что это?

– Свинка, – ответила девочка.

И впрямь: в траве возилась морская свинка, перепоясанная ленточкой, к которой было привязано сверкающее жёлтое кольцо.

– Смотри! – закричал Дигори. – Смотри, кольцо! И у тебя такое... И у меня.

Девочка очнулась и приподнялась. Они напряжённо глядели друг на друга, пытаясь припомнить что-то, и закричали наконец в два голоса:

– Мистер Кеттерли!

– Дядя Эндрю!

Теперь, узнав, кто они, дети стали всё вспоминать и скоро вспомнили. Дигори рассказал, какой плохой его дядя.

– Что же нам делать? – спросила Полли. – Взять свинку и вернуться домой?

– Куда нам спешить!.. – сказал Дигори, зевая во весь рот.

– Нет, спешить надо, – сказала Полли. – Здесь слишком спокойно... сонно, понимаешь? Если мы сдадимся, то заснём и останемся тут навсегда.

– Здесь очень хорошо, – возразил Дигори.

– Да, но домой вернуться надо. – Полли встала на ноги и осторожно потянулась было к свинке, но передумала: – Лучше её не брать. Кому-кому, а ей тут хорошо. Дома твой дядя станет её мучить.

– Ещё бы, – согласился Дигори. – Что он с нами сделал, ты подумай! Кстати, а как вернуться домой?

– Нырнуть в этот пруд, – предложила Полли.

Они подошли к пруду, постояли, посмотрели на зелёную мирную воду, в которой отражались густые листья. Казалось, там и дна нет.

– Нам не в чем купаться, – сказала Полли.

– Глупости какие! – возразил Дигори. – Нырнём как есть. Ты вспомни: мы ведь не промокли.

– Ты плавать умеешь? – спросила Полли.

– Немножко. А ты?

– М-м... совсем плохо.

– Да не надо нам плавать, – успокоил её Дигори. – Только нырнём, и само пойдёт.

Нырять им не хотелось, но они не сказали об этом друг другу, а, взявшись за руки, отсчитали:

– Раз, два, три – плюх!

И прыгнули. Раздался всплеск. Они, конечно, зажмурились, но, открыв глаза, увидели, что стоят в той же мелкой луже, что и стояли. Пруд был неглубок, вода едва доходила до щиколоток. Они вышли на траву.

– В чём дело? – спросила Полли, испугавшись, но не слишком (испугаться в таком лесу невозможно).

– Знаю! – сказал Дигори. – Конечно, не получилось. На нас жёлтые кольца. Они переносят сюда, понимаешь? А домой – зелёные! Давай поменяем. Карманы у тебя есть? Так, хорошо. Положи жёлтое в левый. Зелёные – у меня. Держи, одно тебе.

Надев на палец зелёные кольца, они снова пошли к пруду, но Дигори воскликнул:

– Стоп!

– Что такое? – удивилась Полли.

– Мне пришла в голову мысль, очень хорошая. Куда ведут другие пруды?

– То есть как?

– Ну, к нам, в наш мир, мы вернулись бы через этот пруд. А через другие? Может, каждый ведёт в какой-нибудь мир?

– Я думала, мы уже в другом мире... Ты же сам говорил... и дядя Эндрю...

– Да ну его, дядю! Ни черта он не знает. Сам небось никуда не нырял. Ладно, ему кажется, что есть наш мир и второй, другой. А если их много?

– Значит, этот лесной – один из них?

– Нет, это вообще не мир, это... промежуточное место.

Полли не поняла, и он принялся объяснять:

– Нет, ты подумай! Наш проход не комната, но из него можно попасть в комнаты. Он и не часть дома, но можно попасть в любой дом. Так и этот лес. Он ни в каком мире, но из него можно попасть куда хочешь.

– Ну, даже если... – начала Полли, но Дигори продолжил, словно её и не слышал:

– Тогда всё ясно. Поэтому тут так тихо, сонно. Здесь ничего не случается. Как там, у нас. Люди едят в домах, и разговаривают, и что-то делают. Между стенками, над потолками, в нашем проходе событий нет, но оттуда можно попасть в любой дом. Наверное, отсюда мы попадём в любой мир. Давай нырнём в другой пруд.

– Лес между мирами, – завороченно проговорила Полли. – Какая красота!

– Куда же мы нырнём?

– Вот что, – сказала Полли, – никуда я нырять не буду, пока мы не узнаем, можно ли вообще вернуться.

– Ещё чего! – воскликнул Дигори. – Хочешь угодить прямо к дяде? Нет уж, спасибо.

– Нырнём тогда немножко, не до конца. Только проверим! Если всё пойдёт хорошо, сменим кольца и тут же вынырнем.

– А можно повернуть, когда ты там?

– Ну не сразу же мы здесь очутились. Значит, время у нас будет.

Дигори поупирался ещё, но сдаться ему пришлось, ибо Полли наотрез отказалась нырять в другие миры, если они не поставят этот опыт. Она была такой же смелой, как он (например, не боялась ос), но не такой любопытной. Дигори же был из тех, кому надо знать всё, и стал впоследствии тем самым профессором Кёрком, который участвует в других наших хрониках.

Поспорив как следует, они решили надеть зелёные кольца («Тут они безопасные, – сказал Дигори, – помни: как зелёный свет»), взяться за руки и прыгнуть. Если им покажется, что они возвращаются к дяде или просто в свой мир, Полли крикнет: «Меняй», и они наденут жёлтые. Кричать «меняй» хотел Дигори, но Полли не согласилась.

Они надели кольца, взяли за руки и снова крикнули:

– Раз, два, три – плюх!

Теперь получилось. Трудно описать, что они чувствовали, очень уж всё было быстро. Сперва по чёрному небу пронеслись какие-то яркие огни (Дигори до сих пор считает, что это были звёзды, и клянётся, что видел Юпитер совсем близко, даже разглядел его луны), но тут же показались крыши, и трубы, и купол Святого Павла – словом, Лондон. Как ни странно, стены были прозрачные. Дети увидели дядю Эндрю, сперва расплывчато, потом – всё чётче, словно он попал в фокус. Прежде чем он совсем определился, Полли крикнула:

– Меняй!

И они поменяли кольца, и мир наш исчез как сон, и зелёный свет появился снова, и сгустился, и, наконец, дети высунули головы из пруда. Они выбрались на берег, вокруг был лес, такой же свежий и тихий. Заняло это всё меньше минуты.

– Ну вот! – сказал Дигори. – Действует. Какой выберем пруд?

– Постой, – предложила Полли, – давай отметим сперва этот, наш.

Они посмотрели друг на друга и побледнели, уразумев, какая им только что грозила опасность. Прудов было много, все одинаковые, и деревья одинаковые – словом, если пруд не отметить, один шанс на сто, что его потом найдёшь.

Дигори открыл дрожащей рукой перочинный ножик и вырезал у пруда полоску дёрна. Земля была яркая, густо-бурая, с красноватым оттенком – очень красиво рядом с зеленью – и приятно пахла. Полли тем временем сказала:

– Хорошо хоть кто-то из нас соображает...

– Ладно, не заводишь, – буркнул Дигори. – Идём посмотрим другие пруды.

И Полли что-то ответила ему, и он ответил ей, ещё похлеще, и они препирались минут десять, но читать об этом было бы скучно. Лучше поглядим, как они стоят у другого пруда, держась за руки, и отсчитывают: «Раз, два, три – плюх!»

Опять ничего не вышло. Видно, это был просто пруд. В другой мир они не попали, только намочили ноги во второй раз за это утро (если было утро – в лесу между мирами всегда всё одинаково).

– Тьфу! – воскликнул Дигори. – В чём дело? Жёлтые кольца – вот они. Он же говорил: надо жёлтые, чтобы попасть в другой мир.

А дело было в том, что дядя Эндрю ничего не знал о промежуточном месте, и потому напутал с кольцами. То, из чего они сделаны, было отсюда, из леса. Жёлтые кольца переносили в лес, их тянуло домой. Зелёные тянуло из дому, они и переносили в другие миры. Понимаете, многие чародеи сами не ведают, что творят, – так и дядя Эндрю. Конечно, Дигори не знал всего этого, да и позже толком не понял, но, обсудив всё получше, дети решили надеть зелёные кольца и посмотреть, что выйдет.

– Ну, давай, – сказала Полли, в глубине души не сомневаясь, что никакие кольца ничего не изменят у нового пруда и бояться нечего, разве что водой обрызгает.

Я не совсем уверен, что Дигори думал иначе. Во всяком случае, они надели зелёные кольца, и стали у воды, и взялись за руки гораздо бодрее, совсем не так торжественно, как в первый раз.

Дигори посчитал до трёх, крикнул «плюх!», и они прыгнули.

Глава четвёртая

Молот и колокол

Без всяких сомнений, на сей раз колдовство сработало. Они пролетели сквозь воду, сквозь тьму и увидели непонятные очертания предметов. Стало совсем светло.

Ноги их ощутили какую-то твёрдую поверхность. Потом всё стало в фокус, они смогли оглядеться, и Дигори воскликнул:

– Ну и местечко!

– Очень противное, – сказала Полли и вздрогнула.

Прежде всего они заметили, что здешний свет не похож ни на солнечный, ни на газовый, ни на свет свечей – вообще ни на что. Он был тусклый, невесёлый, багряно-бурый, очень ровный. Стояли дети на мостовой среди каких-то зданий – может быть, на мощёном дворе. Небо над ними было тёмно-синим, почти чёрным, и они не понимали, откуда идёт свет.

– То ли гроза сейчас будет, то ли затмение, – сказал Дигори. – Какая странная погода!

– Очень противная, – заметила Полли.

Говорили они почему-то шёпотом и всё ещё держались за руки.

Стены вокруг них были высокие, а в стенах зияло множество незастеклённых окон, чёрных, словно дыры. Пониже, будто входы в туннель, чернели арки. Было довольно холодно. Камень арок и стен был красновато-бурый – может, из-за странного света – и очень, очень старый; плоский камень мостовой был испещрён трещинами. В одной из арок чуть не до половины громоздился мусор. Дети медленно оглядывались, страхась увидеть кого-нибудь в проёме окна.

– Как ты думаешь, живёт тут кто? – шёпотом спросил Дигори.

– Нет, – сказала Полли. – Это... ну, это... руины. Слышишь, как тихо.

– Послушаем ещё, – предложил Дигори.

Они послушали, но слышали только биение собственных сердец. Тихо тут было, как в лесу, но совсем иначе. Тишина в лесу была добрая, приветливая; казалось, что сейчас услышишь, как растут деревья, а здесь – пустая, злая, холодная. Невозможно представить себе, чтобы тут что-нибудь росло.

- Идём домой, – предложила Полли.
- Да мы же ничего не видели, – возразил Дигори. – Давай хоть оглядимся.
- Нечего тут смотреть.
- А зачем волшебные кольца, если боишься смотреть другие миры?
- Это кто боится? – Полли выпустила его руку.
- Да ты вот – смотреть не хочешь...
- Куда ты пойдёшь, туда и я.

– А не понравится – исчезнем, – сказал Дигори. – Давай снимем зелёные кольца и положим в правый карман. Только помни: жёлтые в левом. Держи руку поближе к карману, но в карман не лезь, а то тронешь – и всё!

Они переложили кольца и направились к одной из арок. Вела она в дом, и они увидели с порога, что там не особенно темно. Войдя в большой, вроде бы пустой зал, они различили в другом конце соединённые арками колонны. За ними мерцал всё тот же усталый свет. Они вышли в другой двор, побольше. Стены там, совсем обветшалые, еле держались.

– Очень уж они ветхие, – сказала Полли, показывая на то место, где стена так накренилась, что того и гляди свалится во двор. Между двумя арками не хватало ещё одной колонны, там камень едва не падал, его ничто не держало. Здесь явно не было никого сотни, а то и тысячи лет.

– Если стояли до сих пор, – сказал Дигори, – значит, не упадут. Главное, ступать тихо, а то от звука и свалятся – знаешь, как лавина в горах.

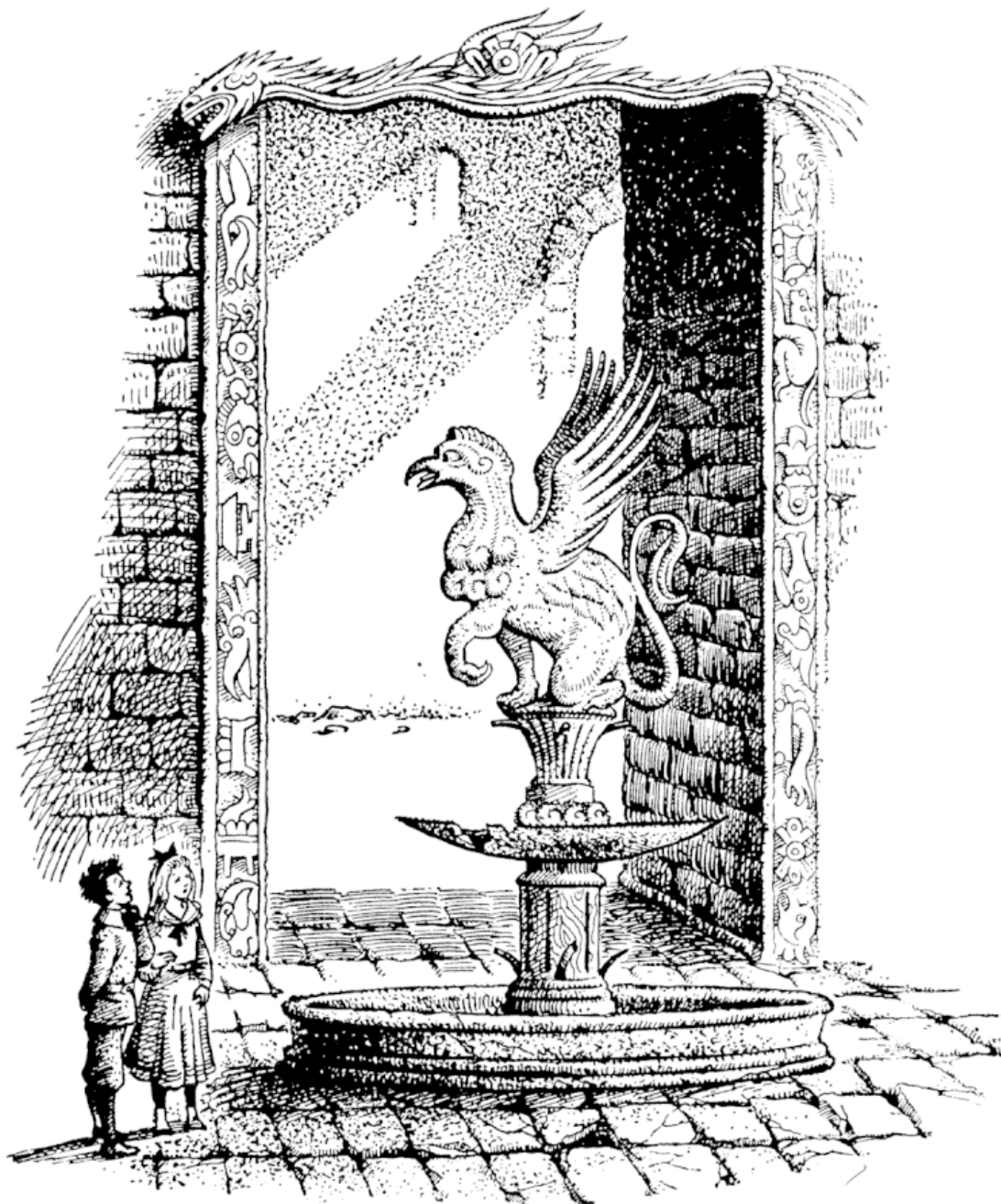
Они взобрались по большим ступеням и прошли анфиладу комнат, таких огромных, что просто голова кружилась. Им то и дело казалось, что вот сейчас выйдут на воздух и увидят, что за земли окружают невиданный замок, но всякий раз они оказывались ещё в одном дворе. Наверное, когда здесь жили люди, место было очень красивым.

Так шли они из двора во двор и только в одном из них увидели фонтан, но из пасти какого-то чудовища вода не текла да и в самом водоёме давно высохла. Растения на стенах тоже высохли, и не было живых тварей: ни пауков, ни букашек – никого и ничего, даже травы или мха.

Всё было так тоскливо и так одинаково, что Дигори собрался было надеть жёлтое кольцо и вернуться в уютный, зелёный, живой лес, когда перед ними предстали две высокие и, похоже, золотые двери. Одна была приоткрыта. Конечно, дети заглянули в неё и замерли, разинув рты. Наконец они увидели то, что увидеть стоит.

Сперва им показалось, что в зале полно народу, просто сотни людей, но все тихо сидят вдоль стен: конечно, они и сами стояли тихо, – но потом наконец решили, что у стен сидят не люди. Живой человек хоть раз бы пошевелился. Нет, это были, наверное, очень искусно сделанные восковые фигуры.

Теперь любопытство овладело Полли, ибо фигуры эти были одеты в поразительные наряды. Если наряды и вас интересуют, вы бы тоже подошли поближе. Они были такие яркие, что комната казалась не то что весёлой, но хотя бы роскошной, что ли, после тех, пыльных и пустых. Да и окон здесь было больше, и света. Что до нарядов, описать я их толком не могу; скажу лишь, что на голове у каждой фигуры сверкала корона, одежды же были самых разных цветов – алые, серебристые, густо-лиловые, ярко-зелёные, расшитые странными цветами и причудливыми зверями. И на коронах, и на одеждах, и на каждом открытом участке тела сверкали драгоценные камни: алмазы, рубины, изумруды.

– Почему платья не истлели? – спросила Полли.

– Заколдованы, – сказал Дигори. – Разве ты не чувствуешь? Тут всё заколдовано, я сразу понял.

– И какие дорогие... – добавила Полли.

Но Дигори больше интересовали сами фигуры, сами люди – и не зря. Сидели они на каменных тронах, у стен, а посередине было пусто, так что каждый мог обойти и пристально осмотреть всех.

– Какие хорошие... – сказал Дигори.

Полли кивнула. И впрямь лица были очень приятные, словно эти мужчины и женщины не только красивы, но и добры – быть может, они принадлежали к какой-то лучшей, прекрасной расе, – однако, пройдя несколько шагов, дети заметили, что лица чем дальше, тем надменнее и важнее. К середине ряда они были и сильными, и гордыми, и даже счастливыми, но какими-то злыми, потом – просто жестокими, а ещё дальше – к тому же и безрадостными, словно обла-

датели их сделали или испытали что-то страшное. Самая последняя – дама удивительной красоты, в невиданно богатых одеждах – глядела так злобно и так гордо, что просто дух захватывало. Она была на удивление огромна (хотя и остальные отличались высоким ростом). Много позже, в старости, Дигори говорил, что никогда не видел таких красивых женщин. Правда, подруга его прибавляла, что никак не поймёт, в чём эта красота.

Дама, как я уже сказал, сидела последней, но и за ней стояли пустые кресла, словно ждали кого-то.

– Что бы всё это значило? – сказал Дигори. – Смотри, посередине стол, а на нём что-то лежит.

Собственно, это был не стол, а широкая низкая колонна, а на ней лежал золотой молоточек и стояла золотая дужка, с которой свисал небольшой золотой колокол.

– Вот удивительно! – воскликнул Дигори.

– Тут что-то написано, – заметила Полли, наклонившись, чтобы разглядеть получше.

– И правда, но мы всё равно не поймём.

– Почему? Поймём, наверное.

Конечно, письма были странные, но, как это ни удивительно, становились всё понятней. Буквы не изменялись, а понятней делались. Если бы Дигори вспомнил собственные слова, то понял бы, что и здесь действует колдовство, но он ничего не помнил, его снедало любопытство и нетерпение. И скоро они узнали что хотели. На каменной колонне было написано (когда дети читали эти строчки в той комнате, они звучали как стихи):

ВЫБИРАЙ, ЧУЖЕЗЕМЕЦ:
ЕСЛИ ТЫ ПОЗВОНИШЬ В КОЛОКОЛ –
НЕ ПЕНЯЙ НА ТО, ЧТО СЛУЧИТСЯ,
ЕСЛИ НЕ ПОЗВОНИШЬ – ТЕРЗАЙСЯ ВСЮ ЖИЗНЬ.

– Не стану я звонить! – сказала Полли.

– Что ж, так и терзаться всю жизнь? – воскликнул Дигори. – Нет уж, спасибо! Теперь ничего не поделаешь. Сиди, значит, дома и гадай, что было бы. Так и с ума сойдёшь!

– Какой ты глупый! – попеняла ему Полли. – Зачем же терзаться? Нам и не важно, что бы случилось.

– Это же колдовство! – воскликнул Дигори. – Заколдуют, и будешь терзаться. Я уже терзаюсь, оно действует.

– А я нет, – довольно резко ответила Полли. – И тебе не верю. Ты притворяешься.

– Конечно, ты же девчонка, – сказал Дигори. – Девочкам ничего не интересно, кроме сплетен и всякой чепухи, кто в кого влюбился.

– Сейчас ты очень похож на своего дядю, – заметила Полли.

– При чём тут дядя? Мы говорили, что...

– Как это по-мужски! – проговорила Полли взрослым голосом и быстро прибавила: – А ты не отвечай «как это по-женски», не обезьянничай!

– Буду я называть женщиной такую малявку! – фыркнул Дигори.

– Это я малявка? – воскликнула Полли, рассердившись по-настоящему. – Что ж, не стану тебе мешать. С меня хватит. Очень гадкое место, а ты воображала и свинья!

– Стой! – закричал Дигори куда противнее, чем хотел бы, ибо увидел, что Полли вот-вот сунет руку в карман, где лежит жёлтое кольцо.

Оправдать его я не могу, могу только сказать, что потом он очень жалел о том, что сделал (жалели об этом и многие другие): крепко схватил Полли за руку, отодвинул локтем другую её руку, дотянулся до молотка и легко ударил в колокол. После этого он выпустил её, и они уставились друг на друга, не говоря ни слова и тяжело дыша. Полли собралась заплакать: не от страха и не от боли (Дигори чуть не сломал ей руку), а от злости, – но не успела. Ровно через две секунды оба они забыли о своих ссорах – и вот почему.

Звон был очень нежный и не очень громкий, однако не прекращался и становился всё громче, и вскоре дети уже не могли говорить, потому что не слышали друг друга. Но они говорить не собирались, а стояли разинув рты. Когда звон стал таким, что они не могли бы и кричать, сама мелодичность его уже казалась жуткой. И воздух в зале, и каменный пол под ногами сотрясала крупная дрожь. Тут послышался и другой звук, словно откуда-то шёл поезд, и третий – словно упало дерево. Наконец большие куски стены и четверть потолка рухнули с грохотом – то ли по колдовству, то ли потому, что именно этой ноты каменная кладка выдержать не могла. Стены пошатнулись, и колокол умолк. Облака пыли рассеялись. Стало тихо.

– Ну, доволен теперь? – проговорила Полли.

– Спасибо, хоть кончилось, – сказал Дигори.

Но ошибся.

Глава пятая

Страшное слово

Дети смотрели друг на друга поверх невысокой колонны, а колокол ещё подрагивал, хотя и не звонил. Вдруг в дальнем углу что-то зашумело. Они быстро обернулись и увидели, что одна из фигур, самая последняя, поднимается с места (как вы поняли, именно та, что Дигори счёл красивой). Когда она встала, дети увидели, что она невиданно высока. Не только одежды и корона, но и сверкание глаз, изгиб губ говорили о том, что это великая властительница. Медленно оглядев зал, она увидела обломки, заметила детей, но удивления не выказала, а быстро, большими шагами подошла к пришельцам и спросила:

– Кто разбудил меня? Кто разрушил чары?

– Кажется, я, – ответил Дигори.

– Ты! – сказала королева и, положив ему на плечо белую красивую руку, сжала как клещами. – Ты? Да ты же простой мальчик! Сразу видно, что в тебе нет королевской крови. Как ты посмел сюда войти?

– Мы из другого мира, – объяснила Полли, – и попали к вам по волшебству.

Ей казалось, что королеве пора заметить и её.

– Правда это? – спросила королева, не удостоив Полли даже взглядом и явно обращаясь к Дигори.

– Да, – ответил он.

Королева взяла его за подбородок, подняла голову и долго глядела ему в лицо. Дигори попробовал смотреть на неё, но потупился. Наконец она отпустила его и сказала:

– Ты не волшебник. Знака чародеев на твоём лице нет. Наверное, ты слуга какого-нибудь чародея. Колдовал он, а не ты.

– Колдовал мой дядя, – ответил Дигори.

Неподалёку что-то затрещало, загрохотало, обвалилось, и пол снова дрогнул.

– Тут оставаться нельзя, – совершенно спокойно сказала королева. – Дворец скоро рухнет. Идёмте. – И протянула одну руку Дигори, другую – Полли.

Та хотела было воспротивиться, но ничего сделать не могла. Говорила королева спокойно, двигалась – быстро, и не успела Полли опомниться, как очень большая и сильная ладонь схватила её за левую руку.

«Какая она противная, – подумала Полли. – И сильная какая, может руку сломать. И ведь левую держит, теперь я не достану жёлтое кольцо. Правую руку в левый карман незаметно не сунешь. Главное, чтобы она про кольца не узнала. Хоть бы Дигори не выдал! Ах, жаль, нельзя с ним поговорить!»

Королева повела их в длинный проход, а оттуда – в настоящий лабиринт залов, лестниц и двориков. Где-то рушились куски потолка или стен, и одна арка упала сразу после того, как они под ней прошли. Приходилось бежать рысцой, хотя сама королева лишь крупно шагала в полнейшем спокойствии. «Какая она смелая! – думал Дигори. – И сильная какая. Поистине королева! Надеюсь, она расскажет, где мы».

Пока они шли, королева и впрямь кое-что объяснила:

– Вот эта дверь – в подземелье, а по этому проходу водили на пытки. Тут пиршественный зал, где мой прадед перебил семьсот вельмож, прежде чем они приступили к ужину. У них были мятежные мысли.

Наконец они дошли до особенно просторного зала, и Дигори подумал, что это, как сказали бы мы, вестибюль. И точно, в другом его конце были высокие двери то ли из чёрного

дерева, то ли из чёрного металла – в нашем мире такого нет. Засовы на них располагались слишком высоко даже для королевы, и Дигори подумал, как же выйти, но она отпустила его, подняла руку и, гордо выпрямившись, что-то проговорила (звучало это жутко). Двери дрогнули, словно шёлковые гардины, и обрушились с диким грохотом. На пороге осталась кучка пыли. Дигори присвистнул.

– Так ли могуч твой учитель и хозяин? – спросила королева и снова сжала его руку. – Ну, это я узнаю. А ты запомни: вот что я делаю с теми, кто стоит у меня на пути.

Яркий свет и холодный воздух хлынули им в лицо (именно воздух, не ветер). Дети стояли на высокой террасе, с которой открывался удивительный вид. Да и небо над ними было необычным, солнце светило как-то тускло, стояло слишком низко, было очень большое и вроде бы старше нашего, словно устало смотреть на мир и вот-вот умрёт. Слева, повыше, светила большая звезда, так что нельзя было понять, ночь это или день.

– Гляди на то, чего никто не увидит, – сказала королева. – Таким был Чарн, великий город, столица властелинов, чудо света, быть может – чудо всех миров. Есть такие владения у твоего дяди?

– Нет, – сказал Дигори, но ничего объяснить не успел, ибо королева продолжила:

– Теперь здесь царит молчание. Но я глядела на город, когда он был полон жизни. И сразу, в единый миг, по слову одной женщины, он умер.

– Кто эта женщина? – несмело спросил Дигори, и без того зная ответ.

– Я, – ответила королева. – Я, последняя владычица мира, королева Джадис.

Дети молча стояли рядом с ней и дрожали от холода.

– Виновата моя сестра, – сказала королева. – Она довела меня, будь проклята вовеки! Я хотела её пощадить, но она не сдавалась. Всё её гордыня! Мы спорили о праве на власть, но обещали друг другу не пускать в ход колдовство. Она всё предрешила, когда попыталась навести на меня чары. Как будто не знала, что в этом я сильнее! Как будто думала, что я не воспользуюсь словом. Она всегда была слабой и глупой.

– Словом? – спросил Дигори. – Каким?

– Это тайна тайн. Прежние властелины были слишком мягки и глупы, чтобы её использовать, но я...

«Нет, какая гадина!» – подумала Полли.

– А как же люди? – спросил Дигори.

– Какие люди? – не поняла королева.

– Простые, которые здесь жили, – сказала Полли. – Они же вам ничего не сделали!

– Что за чушь! – воскликнула королева, не обращившись к ней. – Они мои подданные.

– Не повезло им, однако, – тихо заметил Дигори.

– Я забыла, что ты и сам из таких. Тебе не понять государственных интересов. Запомни: то, что нельзя тебе, можно мне, ибо я великая владычица и на моих плечах судьба страны. Наш удел высок, мы одиноки.

Дигори вспомнил, что дядя произнёс те же самые слова; правда, сейчас они звучали убедительнее – должно быть, потому, что старик не так красив и величав.

– Что же вы сделали? – спросил Дигори.

– Я всех заколдовала. Ты видел: мои предки погружали в сон самих себя, когда уставали править, – вот и я, заколдовав всех, присоединилась к ним, чтобы спать, пока кто-нибудь не позвонит в колокол. Скажи, твой мир хоть немного веселее?

– По-моему, он гораздо лучше! – сказал Дигори.

– Что же, – промолвила королева, – идём туда!

Дети в ужасе переглянулись. Полли сразу невзлюбила её, Дигори же понял теперь, что при всей её красоте на Землю её лучше не брать, и, покраснев, пробормотал:

– Собственно, там... нет ничего интересного... Вам будет очень скучно... Смотреть не на что, знаете ли...

– Ничего, скоро там будет на что посмотреть.

– Нет-нет! – поспешно заверил Дигори. – Вам не разрешат у нас колдовать!

Королева презрительно усмехнулась.

– Глупый детёныш! Твой мир будет ползать у меня в ногах. Говори свои заклинания, и поскорей!

– Какой ужас! – шепнул Дигори растерянной Полли.

– Неужели ты боишься за своего дядю? – спросила королева. – Если он выкажет мне должное почтение, я сохраню ему жизнь и власть. Я не собираюсь бороться с ним. Наверное, он великий чародей, если сумел послать тебя сюда. Он король твоего мира?

– Нет, что вы! – возразил Дигори.

– Ты лжёшь, – сказала королева. – Все чародеи – короли. Разве может презренный люд овладеть тайнами? Хорошо, молчи, я и так всё знаю. Дядя твой – великий властитель и чародей вашего мира. Пользуясь своими чарами, он увидел в зеркале или в пруду отблеск моего лица и, пленённый моей красотой, создал магическое средство. Оно едва не погубило ваш мир, но

ты попал сюда, преодолев пространства между мирами, чтобы умолить меня и отвести к нему. Отвечай, я угадала?

– Н-не совсем... – пробормотал Дигори, а Полли воскликнула:

– Совсем не угадали! Какая чепуха, честное слово!

– Это ещё что? – удивилась королева и ловко схватила Полли за волосы на самом затылке, где больше всего, и при этом, конечно, выпустила её руку.

Крикнув друг другу: «Быстрее!» – дети схватили свои кольца. Надеть их не пришлось – зачарованный мир сразу исчез, откуда-то сверху забрезжил мягкий зелёный свет.

Глава шестая

Как начались несчастья дяди Эндрю

– Пустите! Пустите! – крикнула Полли.

– Я тебя и не трогаю! – сказал Дигори, удивившись, что она обращается к нему на «вы».

И головы их вынырнули из пруда в светлую тишь леса. После страшной и дряхлой страны, из которой они спаслись, он казался ещё более радостным и мирным. Если бы могли, снова забыли бы, кто они, и погрузились в сладостный полусон, слушая, как растут деревья, но им мешало немаловажное обстоятельство: выбравшись на траву, они обнаружили, что королева, или колдунья (зовите её как хотите), уцепилась за волосы Полли. Потому несчастная девочка и кричала: «Пустите!»

Дядя Эндрю не сказал им и не знал, что кольцо совсем не нужно надевать, можно даже его не трогать, а просто коснуться того, кто его надел. Получается вроде магнита: одно кольцо вытаскивает всё остальное, как намагниченная булавка – мелкие предметы.

Теперь, в лесу между мирами, королева изменилась – стала бледнее, настолько бледнее, что красота её поблекла. Дышала она с трудом, словно здешний воздух был ей противопоказан. Дети почти совсем не боялись её.

– Отпустите мои волосы! – воскликнула Полли. – Что вам нужно?

– Да, пустите её! – поддержал Дигори. – И немедленно!

Вдвоём они были сильнее, чем она (во всяком случае, здесь), и им удалось вырвать волосы из её рук. Она отпрянула, задыхаясь; глаза её горели злобным страхом.

– Быстро! – сказала Полли. – Меняй кольцо и ныряй!

– Помогите! – закричала колдунья, но голос её был слаб. – Пощадите меня! Возьмите с собой! Не оставляйте в этом страшном месте! Я тут умру.

– Рады бы, – важно сказала Полли, – но государственные интересы не позволяют... Как у вас, когда вы убили тех людей. Быстрее, Дигори!

И они переменили кольца, но тут Дигори сказал:

– Ах ты, господи! Что же мы делаем? – Волей-неволей он немножко жалел королеву.

– Не дури, – ответила Полли. – Честное слово, она притворяется. Скорей!

И они ступили в пруд, ведущий домой («Хорошо, что мы его пометили», – подумала Полли), но Дигори почувствовал, что к уху его прикоснулось что-то холодное. Когда очертания нашего мира уже выплывали из мглы, он понял, что его держат за ухо двумя пальцами, и стал вырываться, брыкаться, но тщетно – по-видимому, колдунья вновь обрела свою силу. Наконец перед ними возник дядин кабинет и сам дядя, вззирающий в изумлении на невиданное существо, которое Дигори доставил из другого мира.

Понять его можно. Королева вполне оправилась, и здесь, среди обычных земных вещей, вид её был поистине страшен. Дети тоже не могли оторвать от пришельцы глаз. Прежде всего поражал её рост – до сих пор дети не понимали, как она огромна. «Вроде бы и не человек», – подумал Дигори и был прав, ибо в жилах властителей Чарна течёт и кровь великанов. Ещё сильнее поражала её красота, её гордыня и дикая ярость. Дядя кланялся, егозил, почти плясал перед ней, казался совсем ничтожным, однако Полли заметила, что они чем-то похожи. Похожи они были именно тем, чего не нашла королева в лице Дигори. Хоть одно хорошо: теперь дети не боялись дядю Эндрю, как не испугается червя тот, кто видел змею, коровы – тот, кто видел бешеного быка.

«Тоже мне чародей! – подумал Дигори. – Вот она – это я понимаю».

Дядя всё кланялся, угодливо потирая руки. Он хотел бы сказать что-нибудь учтивое, но не мог – во рту пересохло. Опыт оказался успешнее, чем ему хотелось; всё же дядя не ждал опасностей для себя. Столько лет колдовал, столько вредил, но такого с ним не бывало.

Наконец колдунья заговорила негромко, но так, что задрожали стены:

– Какой чародей привёл меня в этот мир?

– Э... э... хм... мэм, – пролепетал дядя, – чрезвычайно польщён... премного обязан... почитаю за честь... э... э... э...

– Где чародей? – крикнула королева. – Отвечай, шут!

– Э... э... это я, мэ-э-эм. Надеюсь, вы простите этих мерзких детей. Поверьте, я ни сном ни духом...

– Ты чародей? – переспросила королева, сделала один огромный шаг, схватила старика за седые лохмы и откинула назад его голову.

Лицо его она изучала долго, как и лицо Дигори. Дядя моргал и нервно облизывал губы. Насмотревшись, она отпустила его, так что он стукнулся спиной о стену, и сказала:

– Так. Чародей... своего рода. Стой прямо, пёс! Помни, перед кем стоишь. Кто научил тебя колдовству? Королевской крови в тебе нет.

– Э... а... не то чтобы королевской... – забормотал дядя. – Но мы, Кеттерли, древнего рода... старый, знаете ли, род... из Дорсетшира...

– Хватит! – крикнула колдунья. – Я знаю, кто ты. Ты мелкий колдун-недоучка, и колдуешь ты по книгам. В сердце твоём и в крови нет колдовского дара. Там, у себя, я управлялась с такими тысячу лет назад. Здесь – разрешу тебе служить мне.

– Пре-премного обязан... очень рад... верьте совести, – пролепетал дядя.

– Много болтаешь! Вот тебе первая служба. Вижу, тут большой город. Немедля раздобудь колесницу, или ковёр-самолёт, или объезженного дракона – словом, то, что годится для ваших

королей и вельмож. Потом доставь меня туда, где я найду рабов, драгоценности и одежды, приличествующие моему сану. Завтра начну завоёвывать ваш мир.

– Я... э... а... закажу сейчас кеб, – выговорил дядя.

– Стой! – приказала колдунья, когда он направился к двери. – Не вздумай предать меня. Я вижу сквозь стены и сквозь череп. Если ты мне изменишь, я наведу такие чары, что, где бы ни присел, сядешь на раскалённое железо, где бы ни стал, станешь на лёд. Ступай!

Дядя вышел, очень похожий сейчас на поджавшую хвост побитую собаку.

Дети боялись, что королева обратит свой гнев на них, но она, по-видимому, забыла, что случилось в лесу. Я думаю (и Дигори тоже думает), что ум её просто не мог ни вместить, ни удержать такого мирного места, и, сколько вы её туда ни берите, как долго ни держите, она ничего о нём знать не будет. Сейчас она детей не замечала. Смотрите: там, у себя, она совсем не замечала Полли, потому что пользы ждала лишь от Дигори. Теперь, когда ей служил дядя Эндрю, она не замечала и мальчика. Должно быть, все колдуны такие. Им интересны только те, кого можно использовать; они очень практичны. Итак, в комнате царило молчание, и только королева сердито постукивала об пол ногой. Наконец она сказала как бы про себя:

– Что он там делает, старый дурень? Ах, кнут не захватила! – И кинулась из комнаты, не глядя на детей.

– Ой! – радостно выдохнула Полли. – Ну, я пошла, очень поздно. Может, я ещё загляну.

– Да-да, приходи скорее, – попросил Дигори. – Какой ужас, когда она тут! Надо что-то придумать.

– Пускай твой дядя думает, – сказала Полли. – Он же всё затеял.

– Только ты приходи, а? Не бросай меня, я сам не выкручусь!

– Я пойду сейчас по туннелю, – сказала Полли довольно холодно. – Так быстрее. А если ты хочешь, чтобы я вернулась, попроси прощения.

– Это как же? – удивился Дигори. – Только свяжись с девчонками... Да что я сделал?

– Ничего, – ехидно заметила Полли. – Так, чепуха, руки мне вывернул, как разбойник... и позвонил в этот колокол, как идиот... и в лесу дал ей себя схватить, когда мы ещё в пруд не прыгнули... а так – ничего!

– Вон что! – ещё сильнее удивился Дигори. – Ладно, я виноват. Вообще-то я правда жалею, что позвонил в этот колокол. Слышишь, я попросил прощения. Значит, ты приходи, не бросай меня. Хорош я буду, если ты не придёшь.

– А тебе-то что? Это же мистеру Кеттерли сидеть на железе и стоять на льду.

– Да не в том дело! Мама – вот что важно. Представь себе, что эта к ней ворвётся! Насмерть перепугает...

– Правда, правда! – совсем иным тоном сказала Полли. – Ну хорошо. Мир, мир навсегда, и так далее. Я приду... если смогу. А сейчас мне пора.

И она нырнула в проход, который казался теперь не загадочным, а самым что ни на есть будничным.

Мы же с вами вернёмся к дяде Эндрю.

Когда он шёл вниз с чердака, сердце у него билось как сумасшедшее, то и дело приходилось отирать лицо платком. Войдя к себе в спальню, он заперся на ключ и прежде всего полез в комод, где прятал от тёти Летти бутылку и бокал. Выпив какого-то неприятного взрослого зелья, он перевёл дух.

«Нет, чёрт знает что! – повторял он про себя. – Какой кошмар! Я просто разбит! Это в мои-то годы!»

Потом он налил ещё и выпил и лишь тогда стал переодеваться.

Вы не видели таких одежд, а я их помню. Дядя надел высокий твёрдый сверкающий воротничок, в котором и головы не опустишь, белый жилет в цветных узорах, выпустив из кармашка золотую цепочку, достал свой лучший фрак, который носил только на свадьбы и похороны, и почистил лучший цилиндр. На комодѣ стояли цветы (их ставила тѣтя), и он сунул один в петлицу, а в кармашек, расположенный повыше того, с цепочкой, положил носовой платок (теперь таких не купишь), покапав на него сначала мужскими духами. Потом, вставив в глаз монокль с чёрной лентой, дядя Эндрю подошёл наконец к зеркалу.

У детей, как вы знаете, одна глупость, у взрослых – другая. Дядя Эндрю был глуп в самом взрослом духе. Теперь, когда колдуньи рядом не было, он помнил не о её грозном виде, а о её красоте и думал: «Да, скажу я вам, всем женщинам женщина! Перл природы!» Кроме

того, он как-то забыл, что привели её дети, и очень гордился, что колдовством выманил такую красавицу.

– Эндрю, – сказал он своему отражению, – для своих лет ты совсем... э-э... Прекрасная внешность... Породистая...

Понимаете, он возомнил по глупости, что колдунья влюбится в него. Зелье на него повли-яло или одежда, но он охорашивался всё больше. Он был тщеславен как павлин, потому и стал чародеем.

Наконец он отпер дверь, послал служанку за кебом (тогда у всех была масса слуг) и пошёл в гостиную. Там, как и следовало ожидать, тётя Летти у самого окна чинила матрас.

– Понимаешь, Летиция, душа моя, – беззаботно начал он, – мне надо выйти. Одолжи-ка мне фунтиков пять, будь добра.

– Нет, Эндрю, милый мой друг, – ответила тётя, глядя на матрас. – Я тебе много раз говорила, что денег не дам.

– Не будь такой мелочной, душенька, – сказал дядя. – Это очень важно. Без них я окажусь в глупейшем положении.

– Эндрю, мой дорогой, – сказала тётя, глядя ему в глаза, – как тебе не стыдно просить у меня денег?

За словами этими таилась скучная взрослая история. Впрочем, сообщим, что дядя «вёл дела дорогой Летти», сам не работал, тратил очень много на бренди и сигары и добился того, что она стала много беднее, чем тридцать лет назад.

– Душенька, – сказал дядя, – пойми, у меня непредвиденные расходы. Будь человеком... Мне надо принять одно... э... лицо...

– Это кого же? – спросила тётя.

– Очень важную гостью. Она, понимаешь ли, появилась... э... неожиданно...

– Что ты мелешь! – воскликнула тётя. – Никто не звонил в дверь.

Тут дверь распахнулась, и тётя не без удивления увидела огромную женщину в роскошных одеждах без рукавов. Глаза у великанши сверкали.

Глава седьмая

Что случилось перед домом

– Сколько мне ждать колесницу, раб? – прогреготала колдунья.

Дядя Эндрю сжался. Теперь, при ней, он немедленно забыл, что думал перед зеркалом. Но тётя Летти поднялась (матрас она чинила, стоя на коленях), вышла на середину комнаты и холодно спросила:

– Разреши осведомиться, Эндрю: кто эта особа?

– Знат-т-т-ная ин-н-ностранка, – ответил тот. – Исключ-ч-чительно...

– Какой вздор! – сказала тётя и, обернувшись к колдунье, воскликнула: – Вон из моего дома, бесстыжая тварь! Не то вызову полицию.

Колдунью она приняла за циркачку, голые руки – не любила.

– Кто это? – брезгливо спросила королева. – На колени, несчастная, не то сотру в порошок!

– Прошу обходиться в моем доме без таких выражений! – запальчиво произнесла тётя.

Королева стала ещё выше (или дяде Эндрю показалось). Глаза её горели. Она подняла руку, как тогда, в своём королевстве, и произнесла слово... но ничего не случилось, только тётя, тоже брезгливо, заметила:

– Так... Она ещё и пьяна... Язык не слушается.

Наверное, колдунье стало очень страшно, когда поняла, что в нашем мире заклятье не действует, но она этого не показала. Нет, она кинулась вперёд, схватила тётю буквально за шкуру (должно быть, за какую-нибудь отделку на платье), подняла как можно выше и швырнула, словно куклу. Пока тётя летела, служанка (которой выпало на редкость интересное утро) заглянула в дверь и сказала:

– Простите, сэр, карета приехала.

– Веди меня, раб! – приказала колдунья.

Дядя залепетал было:

– Вынужден протестовать... да... весьма прискорбно... – но, взглянув на королеву, мгновенно онемел и затрусил вслед за ней.

Дигори сбежал сверху как раз тогда, когда хлопнула входная дверь, и сказал:

– Ну вот. Теперь она бежит по Лондону. Да ещё с дядей. Что они натворят?

– Ой! – сказала служанка, которой выпало такое дивное утро. – Ой, мистер Дигори, мисс Кеттерли ушиблась!

И они побежали к тёте.

Если бы тётя упала на пол или даже на ковёр, то, мне кажется, переломала бы все кости, но, к счастью, приземлилась она на матрас. Женщина она была стойкая (такими тогда были почти все чьи-то тёти), а потому, понюхав нашатыря, отмахнулась: «Ах, не волнуйтесь вы по пустякам», после чего начала действовать.

– Сарра, – велела она служанке (которой ещё не доводилось так радоваться), – бегите в полицию и сообщите, что в городе беснуется умалишённая особа. Обед моей сестре я отнесу сама.

Дигори помог ей отнести обед; потом они сами пообедали; потом он стал думать.

Итак, надо было как можно скорее вытащить колдунью из нашего мира. Мама её видеть не должна ни за что на свете. По городу ей ходить нельзя – чего-нибудь натворит. Дигори не знал, что ей не удалось испепелить тётю, но зато прекрасно помнил, как она испепелила дверь. Не знал он и того, что здесь, у нас, сила её не действует, зато знал, что она хочет завоевать весь мир. «Сейчас, – думал он, – она, наверное, стирает с лица земли Букингемский дворец или парламент, а уж полисмены едва ли не все стали маленькими кучками пепла. И поделать

ничего нельзя... Но ведь кольца вроде магнитов. Надо её только тронуть, и кольцо вытянет нас хотя бы в лес. Интересно, станет ли ей там опять плохо? Место на неё подействовало или она просто испугалась? Да, но где же её найти? Тётя меня на улицу не пустит – во всяком случае, спросит, куда иду. И денег у меня нет – так, мелочь, на омнибус не хватит, – а объехать надо весь город. И куда, собственно, ехать? Интересно, дядя ещё при ней?»

Оставалось сидеть дома и ждать и её, и дядю. Если они вернутся, надо побыстрее надеть кольцо и сразу же коснуться им колдуньи. Пускать её в дом нельзя – значит, надо стеречь у двери, как кот у мышиной норки.

Дигори пошёл в переднюю и, прижавшись носом к окошку, откуда были видны и крыльцо, и улица, так что пропустить никого не мог, подумал: «А где же теперь Полли?»

Думал он не меньше получаса, но вы себе голову не ломайте, я вам скажу. Полли опоздала к обеду и промочила к тому же ноги. На все расспросы она говорила, что гуляла с Дигори Кёрком, а ноги промочила в пруду. Когда её спросили, где этот пруд, она ответила: «В лесу», когда её спросили, где лес, она сказала: «Не знаю». И мама решила, что она забрела в какой-нибудь дальний парк, где шлёпала по лужам. Естественно (для тех, конечно, времён), ей запретили гулять – особенно с «этим Кёрком», не дали сладкого и велели два часа не выходить из своей комнаты.

Значит, пока Дигори глядел на крыльцо, Полли сидела – точнее, лежала – у себя, и оба они думали о том, как медленно течёт время. Мне кажется, ей всё-таки было легче, чем ему: одно дело – ждать, пока пройдет два часа, другое – шептать: «Вот, вот!» – и узнавать снова и снова, что это не та, кого ты ждёшь, а чужой кеб или фургон булочника. Время от времени часы отбивали четверть и большая муха жужжала в верхнем углу окошка. Дом был из тех, где после полудня очень тихо и почему-то пахнет бараниной.

Пока Дигори ждал, случилось одно происшествие, о котором я расскажу, потому что потом это будет важно. Знакомая дама принесла винограду для больной, и в приоткрытую дверь Дигори поневоле слышал её беседу с тётей.

– Какая прелесть! – говорила тётя. – Если бы что-нибудь могло ей помочь, этот виноград помог бы. Ах, бедная, бедная Мейбл! Боюсь, ей помогли бы теперь только плоды из Края Вечной Молодости... В нашем мире уже ничто...

И обе заговорили тише.

Раньше Дигори подумал бы, что тётя просто говорит чепуху, как все взрослые: да и сейчас чуть так не подумал – но вдруг понял, что он-то знает другие миры, кроме нашего. Быть может, где-то есть и Край Вечной Молодости. Всё может быть... И... и... Ну, вы сами знаете, как возникает почти безумная надежда и как вы боретесь с ней, чтобы не разочароваться снова. Именно это чувствовал Дигори, но боролся не так уж сильно, потому что ведь и впрямь знал другие миры. Уже случилось столько странного... Волшебное кольцо у него есть. Через лесные пруды можно попасть куда угодно. Перепробовать их все, а потом... МАМА БУДЕТ ЗДОРОВА. Он уже и ждать забыл, и чуть было не схватил кольцо, чтобы поскорей найти тот нужный мир, как вдруг услышал громкий цокот копыт. «Что это? Пожарные? Где же пожар? Ой, они скачут к нам! Да это она сама!» (Не буду говорить, кого он имел в виду.)

Действительно, к дому нёсся кеб. На нём – не там, где сидит кучер, а прямо на крыше – стояла Джадис, царица цариц и ужас Чарна. Глаза её горели, зубы сверкали, волосы хвостом кометы стлались за нею. Лошадь она хлестала без милости, и та, раздувая ноздри, неслась во весь опор. Пролетев в дюйме от фонарного столба, лошадь эта остановилась, встала на дыбы, а кеб стукнулся о столб и развалился на куски. Колдунья ловко перескочила лошади на спину, шепнула ей что-то, та снова встала на дыбы и заржала, как от боли. Дигори видел лишь оскал, да горящий взгляд, да гриву. Королева и тут удержалась, как самый заправский наездник.

Дигори охнуть не успел, как из-за поворота вылетел ещё один кеб, а из него выскочили толстый джентльмен во фраке и полицейский. Сзади ехал третий кеб с двумя полицейскими

и штук двадцать велосипедов; сидевшие на них мальчишки (главным образом разносчики) орали и звонили вовсю. За ними бежала толпа. В домах захлопали окна, на каждом крыльце появилось по слуге или служанке. Кто пропустит такое зрелище!

Тем временем из развалин первого кеба вылез старичок, в котором Дигори признал своего дядю, хотя лица не увидел, ибо цилиндр его закрыл. Многие кинулись на помощь, в том числе и Дигори.

– Вот она, – закричал толстяк, указывая па королеву, – держите её, констебль! Камней взяла на тысячи фунтов... прямо с прилавка... Жемчуг у неё на шее... всё моё... Мало того, она меня побила!

- И точно! – обрадовался кто-то в толпе. – Ух, синячище! Ну и дамочка! Силы-то, силы!
 - Приложите сырое мясо, хозяин, – посоветовал мальчик из мясной лавки.
 - Ничего не пойму, – сказал самый главный полисмен.
 - Да говорю же я... – снова начал толстяк, но кто-то крикнул:
 - Вы старика не прозевайте! Это он её возил.
- Старик, то есть дядя Эндрю, сумев наконец подняться, потирал ушибленные места.

- Извольте объяснить, что здесь творится, сэр, – сказал полицейский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.